

ПУЛЬС, КОТОРЫЙ НЕЛЬЗЯ УДАЛИТЬ

МАРИЯ ВЕЛЬ

18+

Мария Вель

Пульс, который нельзя удалить

<https://litres.ru/74172124>

SelfPub; 2026

Аннотация

Маргарита находит аудиозапись с собственным голосом из прошлого - тихое признание, которое она отчаянно пыталась забыть. Кирилл убеждает себя, что всё можно объяснить рационально, но его логика постоянно обрывается: он знает больше, чем позволяет. А Фёдор приносит детали, от которых у Маргариты дрожат руки - словно в тот день он действительно стоял рядом.

Правда приближается медленно и болезненно: между тремя людьми рождается тёплая, опасная близость, та самая, что возникает, когда признание уже почти сказано и ещё остаётся шанс отвернуться.

Содержание

Глава 1. Аудиозапись на кухонном столе	4
Глава 2. Логика, которая сбивается	15
Глава 3. Дрожь в руках и чужая тень	26
Глава 4. Соседний день в чужом свете	36
Глава 5. Чужой ключ от старого кабинета	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Мария Вель Пульс, который нельзя удалить

Глава 1. Аудиозапись на кухонном столе

Кухня у Кирилла всегда казалась лишённой случайностей: ровно расставленные чашки, прозрачная банка с кофе, белая салфетка, аккуратно сложенная так, будто её учили складывать. Даже свет, падавший из окна, ложился по краю стола - не спорил, не дрожал, не менял оттенок. Маргарита любила эту дисциплину в чужом доме: в ней было спасение от собственного хаоса.

Но сегодня спасение почему-то не сработало.

Она пришла за вещами - не за словами, не за объяснениями. Просто за тем, что оставила у Кирилла неделю назад, когда собиралась уйти, не оглядываясь. Он в тот вечер был собранным, почти спокойным, и даже поцелуй - если это можно было назвать поцелуем - выглядел как жест прощания: короткий, ровный, без лишнего тепла. Маргарита тогда ещё подумала, что так легче.

Сейчас ей не было легче.

Кассета лежала на кухонном столе, как будто всегда там стояла. Чёрный пластик, потертые края, на этикетке - тонким почерком - её имя. "МАРГАРИТА". Только буквы были не такие, как она писала обычно. Слишком ровные, слишком уверенные, как будто кто-то подражал ей, но боялся дрогнуть.

Маргарита поставила сумку на стул и медленно подошла ближе. Пальцы сами потянулись к холодному корпусу, к гладкой поверхности, где под пальцем проступали крошечные царапины. Она не помнила эту кассету. Она не помнила даже того ощущения, которое накрывало сейчас: будто в комнате стало меньше воздуха, и он стал плотнее - как в стеклянном бокале.

– Это - голос получился чужим. Ей пришлось повторить, чтобы услышать себя: - Это откуда?

Кирилл появился в дверном проёме бесшумно, как всегда в моменты, когда не хочет выглядеть виноватым. Он не улыбался. Он вообще выглядел так, будто давно ждал её именно на этой фразе.

– Я нашёл сегодня, - сказал он. Потом добавил осторожнее: - На полке, где ты раньше держала документы. Я подумал, что это твоё.

Маргарита подняла взгляд. В его глазах было слишком много напряжения, будто он держал внутри руку на кнопке: стоит нажать - и начнёт звучать что-то, от чего невозможно

будет отключиться.

— Можешь не врать, - выдохнула она.

Он вздрогнул, будто слова Маргариты задели не слух, а кожу.

— Я не вру, - повторил Кирилл. - Но я не понимаю. Когда нашёл, даже не сразу сообразил, что это.

Он подошёл, остановился рядом с ней, на расстоянии, где тело всё ещё имеет право не касаться. Маргарита ощущала его присутствие как тепло под кожей - не ласковое, а настойчивое, как электричество в воздухе перед грозой.

— Дай, - попросила она неожиданно тихо. - Я посмотрю.

Кирилл протянул руку. Пальцы их соприкоснулись - коротко, почти случайно. И всё равно это касание было как ключ в замке: щёлкнуло, и что-то внутри Маргариты дёрнулось в ответ. Не памятью. Телом. Ей вдруг стало ясно, что кассета может быть не про прошлое, а про то, как оно было запечатлено не только в словах.

Маргарита повернула кассету, проверила край этикетки. Там был едва заметный номер - не дата, а последовательность, похожая на маркировку студии звукозаписи. Не домашний архив. Не "старые записи для себя". Похоже на чьё-то производственное решение: записано, пронумеровано, отдано на хранение.

Слишком профессионально для случайности.

— Здесь есть запись, - сказала она скорее себе, чем Кириллу. - Ты проверял?

Он не ответил сразу. Пауза растянулась, и в этой растяжке Маргарита слышала главное: да, проверял, но не то, что сказал вслух.

– Я - он выдохнул. - Только включал на минуту. Не до конца. Мне показалось слишком лично.

Слова упали между ними, как предмет на пол. Кирилл попытался поймать тишину руками - так неловко, будто и сам понимал: сейчас это невозможно.

Маргарита сжала кассету в ладони. Корпус был холодным, но ладони становились горячими - как если бы она держала не пластик, а горящую вещь, которая притворяется безопасной.

– Дай плеер, - сказала она. – Я не уверен, что у меня он - Кирилл оглянулся на столешницу, шкафчики, будто мог найти рациональное оправдание. - У тебя в комнате был.

Маргарита сделала шаг в сторону, открыла верхний шкаф. Там действительно лежал старый плеер - тяжёлый, с потёртой крышкой. Она не сразу поняла, почему он стоит именно здесь. Потом поняла: Кирилл мог оставить его не для себя. Он мог оставить его как мост. Как инструмент, который когда-нибудь будет нужен.

Её пальцы нашли кнопку "пуск", почти автоматически. Крышка закрылась с тихим щелчком, как крышка на колоде.

– Я хочу, чтобы ты слушал со мной, - произнесла Маргарита, не глядя на Кирилла. – Зачем? - спросил он и тут же

сбился, будто слово "зачем" оказалось слишком прямым. - Я имею в виду ты же сама найдёшь ответ.

Она наконец посмотрела ему в лицо. В нём было то, чего она не ожидала: не страх за себя, а страх перед её реакцией. И это было странно - почти нежно. Нежность, которая не спрашивает разрешения.

- Я хочу услышать, - ответила она. - Слишком долго молчала. И, кажется, не по своей воле.

Кирилл не двинулся с места, но в его позе появилось согласие. Он остался рядом, чуть наклонился вперёд. Дыхание у обоих стало синхронным - то ли случайно, то ли потому что организм признал угрозу как общее дело.

Нажатие кнопки прозвучало в тишине слишком громко.

Потом - шорох кассеты. Он был мягкий, привычный. И из этого шороха медленно, словно через толщу воды, появился голос.

Её голос.

Маргарита замерла. Первый звук - и тело уже не спорило. Голос был узнаваем до мелочей: тембр, как она иногда тянет гласные, как в начале фразы делает едва заметную паузу. Это было не "похоже". Это было точно.

И он звучал из прошлого.

- Кирилл, если ты это слушаешь - сказала её же женщина, её же губы на записи. - Не делай вид, что не понял.

У Маргариты слегка закружилась голова. Она почувствовала, как уходит концентрация в грудь и там собирается в

комом. Становится трудно глотать - как при стрессе, хотя никто не кричал.

– Стоп, - произнес Кирилл. Но голос не затих. Маргарита не выключала плеер - пальцы держали кнопку так плотно, будто внутри её кожи был второй мотор, который не позволял остановить то, что уже началось.

Запись продолжалась.

– Я пыталась забыть, - произносила она. - Понимала, что если буду держаться за логические объяснения, то то можно прожить дальше. Но всё равно возвращается. Внутри возвращается, понимаешь?

Кирилл выдохнул, будто это признание ударило не в уши, а в солнечное сплетение. Он резко побледнел. Маргарита увидела это боковым зрением - и почему-то почувствовала злость. Не на него. На запись. На время. На собственную способность когда-то проглотить правду, не прожевывая.

– Там есть деталь - голос на кассете стал тише, почти интимнее. Так говорят, когда боятся, но всё равно решаются. - Однажды я слышала шаги. Я думала, что это мне показалось. Но это не было случайностью.

Маргарита отстранилась от плеера на полшага, хотя сидела на месте. Сердце стучало в висках. Руки стали влажными, и кассета вдруг показалась очень тяжёлой. Она ощущалась не как предмет, а как свидетель.

– Это невозможно, - прошептал Кирилл. Слова были вырваны. Он будто пытался не верить фактам, чтобы не верить

себе. - Запись откуда кто мог

Маргарита подняла глаза.

- Кто мог заставить меня говорить так, - сказала она. - И почему я не помню?

Кассета шуршала. Её собственный голос продолжал - спокойно, устало, до боли честно.

- Я не хотела, чтобы ты знал. Но я не хотела и чтобы забыли. Понимаешь? Я пыталась забыть так долго, что сама стала частью забывания. И мне стало страшно.

На этих словах у Маргариты дрогнули плечи. Она не плакала - слёзы как будто ещё держались за дверью. Но дрожь пробежала по коже, будто кто-то смахнул на неё холодную ладонь.

- Маргарита - Кирилл сделал шаг ближе, и теперь расстояние исчезло. Он не коснулся, но воздух между ними стал теснее. - Я не хотел - Не хотел что? - резко спросила она, и собственный голос на кассете будто подхватил её вопрос. - Не хотел, чтобы я вспомнила?

Кирилл промолчал. И эта пауза была ответом.

Маргарита смотрела на плеер, на неподвижную ленту, на то, как тонкий язык кассеты хранит движение прошлого. Она пыталась собрать мысль в порядок, как в комнате наводят порядок после крика. Но мысли рассыпались, и вместе с ними рассыпалось привычное "я" - то, которое до сих пор жило в уверенности, что прошлое - вот что можно контролировать.

– Выключи, - попросила она.

Кирилл моргнул.

– Я - он потянулся к кнопке.

Маргарита выдернула руку быстрее, чем он успел. Это движение было слишком живым. Даже слишком. Она сама удивилась себе: будто не он держал опасность, а она.

– Нет, - сказала она. - Я должна дослушать.

И тогда её голос на кассете стал ещё ближе - словно запись приближалась в пространстве.

– Фёдор был рядом, - произнесла Маргарита на ленте. - Я знаю, что он скажет потом другое. Он скажет, что не было Но дрожь у тебя выдаст. И у меня дрожь тоже была. Я просто тогда думала, что это от холода.

Слово "Фёдор" ударило по Маргарите иначе. Оно несло не только имя. Оно несло ощущение присутствия третьего человека, которого сейчас не было на кухне.

У Маргариты стало трудно дышать.

– Фёдор, - повторила она вслух, и этот звук в комнате прозвучал как чужой пароль.

Кирилл резко повернул голову, будто ожидал, что сейчас Фёдор выйдет из коридора и начнёт объяснять. Но коридор молчал.

– Здесь не может быть - Кирилл снова сбился. И она впервые слышала, что он не справляется не только с логикой. Он не справляется с собственной близостью к правде.

Маргарита почувствовала, как подступает жар: щёки,

шая, тонкая линия под ключицей. Это был не романтический жар. Это был жар воспоминания без образов: будто нервная система уже поняла, что произойдёт дальше, и готовится к удару.

Кассета играла. Её голос продолжал, и в нём появлялось того самого странного интимного тона, который бывает в секретах: не сексуальный - доверительный, оголённый. Как будто она говорит не в микрофон, а прямо в кожу.

– Если ты спросишь, я отвечу, - звучало на ленте. - Но не сейчас. Я пока не могу. Я пытаюсь удержать между нами расстояние. Оно спасает. Пока что спасает.

Маргарита сглотнула.

Кирилл смотрел на неё, и в его взгляде было одновременно желание подойти ближе и желание убежать. Он будто выбирал, какой вариант боли сейчас легче выдержать.

– Маргарита - повторил он, на этот раз без попытки объяснить. - Я думал, что это будет в прошлом.

Она удерживала кнопку плеера, словно держала на весах собственную возможность отвернуться.

– А оно не в прошлом, - ответила она. - Оно сидит у нас за столом.

На записи в этот момент появилась пауза. Шорох стал громче, и в тишине Маргарита вдруг услышала другое: не звук кассеты - свой собственный короткий вдох, которого не было в настоящем. Или было? Она уже не различала.

Тело помнило. Ум - нет.

Маргарита медленно выпрямилась и убрала руку с кнопки только тогда, когда запись уже начала переходить к следующей фразе - к той, которую она сейчас не позволила себе услышать полностью. Ей стало страшно не от правды. Ей стало страшно от того, что правда может быть так же близка, как звук в комнате.

Она выключила плеер.

Тишина стала резкой, почти физической. Кухня снова стала обычной - со светом, кофе и ровными чашками. Но обычность держалась на тонкой нитке, и Маргарита чувствовала, что эта нитка вот-вот лопнет.

Кирилл молчал. Он смотрел на кассету так, будто она лежит не на столе, а у него внутри груди.

- Ты - начала Маргарита и не договорила. Горло пересохло. - Ты знал, что она есть?

Он отрицательно качнул головой, но движение было слабым, неуверенным. Потом всё-таки сказал:

- Я не знал. Но я догадывался. Просто не думал, что она сама захочет говорить.

Маргарита посмотрела на него и медленно поставила кассету обратно на стол. Она сделала это аккуратно, как возвращают на место стеклянную вещь. Внутри у неё всё ещё дрожало.

- Где она была раньше? - спросила она. - На полке, - ответил Кирилл. - Я же сказал нашёл сегодня.

Маргарита медленно покачала головой.

– Ты сказал правду, - произнесла она. - Но это не значит, что всё было случайным.

Кирилл хотел что-то сказать, но его слова снова сбились, как запись на треснувшей ленте. Он смотрел на Маргариту, и в этом взгляде было то, что сложно объяснить рационально: не просто вины, а привязанность, смешанная с попыткой удержать.

Маргарита взяла со стола кассету. Пальцы снова ощутили холод пластика. Ей показалось, что он тянет время обратно - в то мгновение, когда её голос сказал: "Я пыталась забыть".

– Значит, сейчас начинается другое, - тихо сказала она. - Не разговор. Не объяснение. Другое.

Кирилл поднялся на полшага ближе, но остановился. Он будто ждал разрешения - хотя разрешение уже было дано самим фактом, что Маргарита не выключила плеер раньше.

В этот момент за окном что-то глухо стукнуло - то ли ветер, то ли машина по мокрому асфальту. Звук был обычным, но Маргарита вздрогнула. Ей снова показалось: в этом звуке слышится шаг.

Она не знала, что будет дальше. Но знала одно: сегодня её прошлое поднялось на поверхность и легло на кухонный стол между ней и Кириллом. А значит, дальше его придётся не прятать - слушать. И, может быть, наконец назвать.

И где-то рядом с этим "может быть" уже ждал Фёдор - человек, чьё присутствие прозвучало в её голосе раньше, чем он сам вошёл в комнату.

Глава 2. Логика, которая сбивается

Маргарита не сразу поняла, что ждёт продолжения. Не записи - продолжения разговора. Как будто после признания на ленте должно было возникнуть ещё одно объяснение, более устойчивое, более удобное. Такое, которое можно уложить в голову и заклеить трещины сверху.

Но Кирилл молчал.

Молчание у него было особенным: не пустым, не растерянным, а сосредоточенным. Он стоял у кухонной двери, сложив руки почти так, как складывают ладони в попытке удержаться от движения. Взгляд бегал по предметам - по краю стола, по кассете, по её лицу - и каждый раз возвращался обратно, будто искал там, в этом маленьком круге, точку, с которой можно начать строить рациональность.

Маргарита медленно поставила кассету в центр стола. Крышка плеера всё ещё была закрыта, но тонкий запах пластика и старой пыли держался в воздухе, как след от сигарет, о которых не говорят.

– Ты хочешь, чтобы я сказала, что это невозможно? - тихо спросила она, пытаясь звучать ровно.

Кирилл поднял голову. В его глазах мелькнуло облегчение - как будто вопрос дал ему поручень, за который можно держаться. Он чуть кивнул.

– Нет. Я хочу чтобы ты не делала выводов раньше време-

ни.

Он произнёс это спокойно, почти деловым тоном. И поэтому фраза прозвучала неверно: слишком гладко на фоне того, что она только что услышала - на фоне собственной интонации, её же паузы, её же внутренней усталости, которая проступала сквозь магнитофонные помехи.

Маргарита села напротив и положила ладонь на кассету. Не сжимала - только держала, чтобы ощущать реальность. Реальность не спорит. Реальность не сбивается на полуслове.
– Хорошо, - сказала она. - Тогда объясняй.

Кирилл выдохнул. Он подошёл к стойке у окна, но не стал опираться - лишь сложил пальцы так, будто хотел удержать ими собственное сердце.

– Я не уверен в технических деталях - начал он. Потом быстро исправился: - Вернее, уверен, но не в том, как это могло оказаться.

Он замолчал и провёл большим пальцем по ребру столешницы. Движение было нервным, лишним. В его прежних объяснениях такие мелочи не всплывали.

Маргарита прищурилась:

– Ты уверен и всё равно не говоришь прямо. – Я говорю прямо, - возразил Кирилл, но голос его стал выше на конце. Он спохватился, опустил тон. - Слушай. Это может быть монтаж. Старые образцы. Переозвучка. Много чего. Запись могла попасть к тебе случайно. Например, при передаче вещей из квартиры, где ты раньше хранила документы. Или

кто-то

Он осёкся на слове "кто-то", словно оно означало слишком конкретное присутствие.

Маргарита наклонилась вперёд.

— Или кто-то решил, что мне полезно это услышать, - закончила она.

Кирилл кивнул, но кивок получился неуверенным. Он не смотрел на неё - смотрел на кассету, как на прибор с ошибкой, которую можно скрыть настройками.

— Или решил, что это важно, - поправил он. - Да. Вариантов множество.

Маргарита вдруг почувствовала странную злость: не на него, а на то, как он старательно избегает одной прямой траектории - той, которая ведёт к признанию. К тому, что уже прозвучало.

— Тогда скажи, - она провела пальцем по шву этикетки. - Почему ты так сказал, когда я спросила, откуда она? "Я нашёл сегодня". Как будто заранее знал, что я буду спрашивать.

Кирилл поднял взгляд. В этот момент его глаза стали влажными - не до слёз, но до той точки, где эмоция уже пробивает защитный слой.

— Я - он потер переносицу. - Потому что я действительно нашёл. Я же тебе сказал. — Я слышала другое: ты знал не про кассету, - Маргарита говорила тихо, но с каждым словом становилась твёрже. - Ты знал про эффект. Про то, как она меня потрясёт.

Кирилл замер. По его лицу прошло быстрое движение - тень мысли, от которой он отступил.

– Маргарита, - произнёс он так, как говорят люди, когда хотят удержать кого-то у края. - Ты слышала свою фразу. И, возможно, там есть что-то, что не до конца понято.

Она улыбнулась без тепла.

– Ты пытаешься спасти меня логикой. Но логика сейчас трещит. Видишь?

Кирилл сглотнул.

– Я пытаюсь спасти тебя от паники, - сказал он. - Потому что если ты начнёшь соединять всё в одну линию, может оказаться, что ты получишь ответ, который разрушит то, что Фраза снова оборвалась.

Маргарита почувствовала: он почти сказал что-то ещё. Почти признался в личном смысле, а не в техническом.

– Разрушит то, что что? - мягко спросила она. - Что у нас? Или что у тебя в голове?

Он резко вдохнул, будто его задели за грудь.

– У меня в голове? - повторил Кирилл, и этот повтор прозвучал как попытка спрятаться за вопросом. - Я не – Ты знаешь больше, - сказала Маргарита.

Она не повысила голос. Но слово легло так, что между ними появилась пауза, в которой слышалось даже тиканье часов на кухне.

Кирилл опустил глаза.

– Я знаю, что эта запись существует, - признал он. Потом

поспешил, будто боялся продолжать: - Но я не знал, что она у тебя. Я не думал что она окажется в твоих руках сейчас. Я думал, что она где-то дальше. – Дальше, - Маргарита повторила. - Дальше от меня.

Кирилл молчал. А молчание у него стало другим: не собранным, не сосредоточенным. Молчание стало признанием, которое не решаются произнести словами.

Маргарита потянулась к плееру и осторожно провела пальцем по крышке - как будто хотела стереть последствия. Но её пальцы дрожали. Она спрятала дрожь, сжав колено.

– Так. Тогда объясни, - сказала она. - Как запись, о существовании которой ты знаешь, могла оказаться в месте, которое ты назвал случайным?

Кирилл открыл рот, закрыл. В его взгляде мелькнуло то, что она ожидала увидеть в момент истины: борьбу между желанием сказать и желанием удержать.

– Я - он поднял руку и тут же опустил. - Ты помнишь день, когда мы были вместе в архиве?

Маргарита медленно покачала головой.

– Нет. Именно этот кусок у меня стерся. – Вот. Значит, ты не помнишь, - Кирилл кивнул, будто подтверждая теорему. - А я помню. Я был рядом.

Слова упали и отозвались в теле Маргариты коротким, неприятным спазмом. Не болью, а сдвигом: как если бы под полом неожиданно открылась пустота.

– Ты был рядом, - повторила она. - А я слышу на записи,

что "Фёдор был рядом".

Кирилл вздрогнул.

– Маргарита, пожалуйста дай мне договорить. Я знаю, что звучит так, будто я что-то утаиваю. Но я не утаиваю факты, я - он запнулся. - Я пытался сохранить последовательность. Я пытался логически, рационально – Срываешься, - мягко сказала она. - Логически ты уже срываешься.

Кирилл глубоко вдохнул. На секунду он перестал сопротивляться и заговорил быстрее, будто выталкивал слова, пока они не передумали.

– Понимаешь когда ты услышала, как говоришь сама, это выглядит как доказательство. Как приговор. Но тогда, в тот день, у нас было другое понимание. Мы думали, что тебя защитит забывание. Что если ты проговоришь, если зафиксируешь то можно будет потом убрать последствия. Убрать, но не трогать.

Он говорил и постепенно становился всё бледнее, словно каждое новое слово снимало с него слой защиты.

Маргарита смотрела и думала: он не спорит. Он не отрицает. Он оправдывается, но оправдания у него не юридические - эмоциональные, тёплые и отчаянные.

– То есть ты действительно знал, - сказала она. - И ты всё равно выбрал молчание.

Кирилл снова попытался построить рациональную стену.

– Я молчал не из страха за себя. Я молчал, потому что - он остановился. Потом выдавил: - Потому что ты могла вер-

нуться в тот же страх. А тогда мы думали, что страхом можно управлять.

Слова снова сбились. Как будто фраза хотела стать красивой теорией, но жизнь не дала.

Маргарита опустила взгляд на кассету.

– Страхом можно управлять, - повторила она. - Только не так. Страх управляет тем, кто его прячет.

Кирилл хотел сказать что-то - она видела это по его лицу. Он собирался, взял воздух, и в последний момент передумал.

– Ты сейчас думаешь, что я - начал он.

Она резко подняла голову:

– Я думаю, что ты рядом стоял в тот день. И ты пытался сделать так, чтобы я не вспомнила.

Кирилл не отрицал. Он только медленно покачал головой, как человек, который уже проиграл спор и теперь пытается заслужить хоть маленькое прощение.

Маргарита почувствовала, как её сердце стучит иначе. Не быстрее - глубже. Как удар в стену, которая была тонкой, а теперь стала настоящей.

– Скажи мне одну вещь, - попросила она. - Ты хотел, чтобы я забыла или хотел, чтобы я не произнесла это вслух?

Кирилл замер.

– Я хотел чтобы ты не разрушила себя окончательно, - сказал он. - И чтобы не разрушили тебя другие. – Другие, - Маргарита подняла брови. - Значит, есть "другие".

Кирилл снова сбился, но уже по-другому: он словно пытался избежать конкретного имени. На кухне стало слишком тесно, будто стены приблизились. Маргарита поймала себя на том, что слушает паузы: между словами Кирилл оставлял следы, как будто готовил путь для третьего человека.

– Там был Фёдор, - сказала она, и голос вышел тише, чем она ожидала. - И ты это знаешь.

Кирилл кивнул. Один раз. Без пафоса. Просто как факт.

– Да.

Её пальцы дрогнули и сжали край кассеты.

– Почему он молчит? - спросила она.

Кирилл открыл рот и остановился. Снова не смог закончить мысль. Его взгляд вдруг метнулся в сторону окна, будто он ожидал появления Фёдора прямо из темноты двора.

– Потому что - выдохнул он наконец. - Потому что если он скажет, ты поверишь не мне. А тому, что было.

Маргарита поднялась со стула резко, так что тот отодвинулся по полу. Скрип показался слишком громким.

– Это значит, что ты не единственный, кто знает, - сказала она.

Кирилл не пошёл за ней. Он остался на месте, словно понимал: любое движение будет выглядеть как попытка остановить правду.

– Я знаю, что ты спросишь, - медленно произнёс он. - И поэтому я отвечу раньше.

Маргарита повернулась к нему лицом, и в глазах было на-

пряжение, которое она не могла спрятать. Она не хотела быть жестокой, но и терпеть дальше недосказанность уже не могла.

– Почему запись лежала у тебя на полке? - спросила она.
- И почему ты сказал "нашёл сегодня", будто это новое?

Кирилл посмотрел на неё долго. В какой-то момент он словно принял решение - не рассказать всю правду, а позволить ей стать правдой ровно настолько, чтобы Маргарита не упала.

– Потому что я не отдал её сразу, - сказал он. - И потому что я боялся, что ты будешь слушать её одна.

Сердце Маргариты стало тяжёлым.

– Но я слушала, - прошептала она. – Ты слушала не полностью, - поправил Кирилл. - Ты выключила раньше. Ты остановилась.

Маргарита вспомнила момент: как вынула руку с кнопки, как будто это движение было защитой. Защитой от того, что в записи дальше должно было прозвучать имя, деталь, шаг.

– Я остановилась, - согласилась она. - Значит, дальше есть то, что я не сказала вслух.

Кирилл тихо кивнул.

– Да.

Она посмотрела на кассету и вдруг ясно осознала: логика Кирилла не спасает. Она лишь задерживает момент, когда правда начнёт звучать без переводчика.

– Почему тогда ты не сказал мне? - спросила она. - Почему

ты всё это время держал это в себе?

Кирилл сделал шаг к ней, но остановился на прежней дистанции - той, которую так трудно перейти, когда внутри много вины.

— Потому что я любил тебя так, как умею, - сказал он. - И в тот день я подумал, что могу управлять последствиями. Я подумал, что если ты забудешь, тебе будет легче.

Слова были правдой. Но правдой, которая больно пахнет самообманом.

Маргарита почувствовала, как от этих слов внутри поднимается волна - не истерика, не слёзы. Теплое, болезненное чувство, которое приходит, когда человек на самом деле близок и виноват, и всё равно тянется к тебе ладонью.

— Ты сбился, - прошептала она. - Значит, я права.

Кирилл молчал, но по его лицу было видно: он уже понял, что словами больше не сможет удержать границу. Он выпустил воздух и сказал:

— Я хотел сказать правду сегодня, но не успел. Ты нашла запись быстрее, чем я.

В этот момент на кухне раздался едва слышный звук в коридоре - не шаг, не звонок. Просто движение ткани, как если бы кто-то остановился за дверью и прислушался.

Маргарита и Кирилл одновременно повернули головы.

Тишина снова стала густой. Не из-за музыки. Из-за присутствия, которое ещё не материализовалось, но уже объявило себя телом.

Маргарита не знала, кто сейчас войдёт. Она знала только, что логика Кирилла рассыпалась не случайно: он действительно боялся ответа.

И где-то там, за дверью, этот ответ уже держали руки - чьи-то руки, которые знали, как звучит "ты пыталась забыть".

Глава 3. Дрожь в руках и чужая тень

Тишина в кухне держалась так крепко, будто её можно было потрогать. Маргарита почувствовала это по-своему: на затылке поднялись волоски, воздух стал тяжелее, а собственные мысли замедлились, как если бы их накрыли плотной тканью.

Звук в коридоре не повторился. Но он уже состоялся - и в этой паузе ожидание приобрело форму. Маргарита машинально потянулась за кассетой, словно предмет мог удержать реальность на месте.

Кирилл стоял рядом, чуть впереди, между ней и дверью. Движения у него были экономные - как у человека, который привык решать быстро, пока решение ещё не стало ошибкой.

– Не открывай, - сказал он внезапно, не глядя на неё.

Маргарита подняла брови:

– Боишься? За кого?

Он не ответил. Только сглотнул и снова посмотрел в коридор, будто мог увидеть там шаги на уровне кожи.

Маргарита поняла: он боится не появления человека. Он боится появления факта.

Она хотела спросить, кто это, но в этот момент дверная ручка тихо сдвинулась - так, что не услышать можно только

если до этого не жить в режиме тревоги. Дверь приоткрылась, и в щель вошёл знакомый запах - не парфюм, не бытовая химия. Запах улицы после дождя и чего-то металлического, свежего, как ключ, который носили на связке долго.

Сначала появился Фёдор - без громких жестов, без объяснений. Он выглядел собранным, слишком спокойным для ситуации, где любой другой человек уже бы оправдывался или нападал.

– Я не вовремя, - сказал он. И тут же поправил тон, будто это была вежливость, а не правда: - Хотя возможно, вовремя.

Он держал в руках небольшой бумажный конверт, серый, плотный, с коротким штампом на углу. Конверт не был новым. Его углы выглядели так, будто он пережил несколько разборов и несколько молчаний.

Маргарита почувствовала, как дрожь снова подступает к пальцам. Не от страха. От узнавания, которое тело всегда опережает разум. Она смотрела на конверт и думала: там может быть что угодно. Но её руки заранее понимали - в нём лежит не бумага.

Кирилл сделал шаг к Фёдору, заслоняя собой проход, и только сейчас Маргарита заметила: Кирилл слегка дрожал. Едва. Как будто его нервная система включалась импульсами, но он пытался удержать её на замке.

– Ты просил - начал Кирилл.

Фёдор перебил мягко:

– Я не просил. Я решил прийти.

Он перевёл взгляд на Маргариту. В его лице не было ни триумфа, ни вызова. Только осторожность, почти бережность, которая пугает сильнее, чем грубость. Бережность то есть: человек знает, что тебе больно, и всё равно сделает шаг ближе.

– Маргарита, - сказал он. - Я услышал, что ты уже нашла запись.

Её голос внутри отозвался эхом - будто кассета всё ещё играла. Маргарита подняла кассету, но не поставила плеер обратно на место. Она как будто боялась, что при движении запись окончательно станет реальностью.

– Ты знал, что она существует, - сказала она. Это прозвучало утверждением, хотя вопрос был спрятан внутри. - Кирилл знал. Но вы оба как будто выбирали, кто будет говорить.

Фёдор медленно кивнул:

– Я не выбирал, кто будет говорить. Я выбирал, кто будет слышать.

Кирилл стиснул челюсть. Он хотел возразить, но вместо слов сделал шаг в сторону - уступил место разговору.

Маргарита протянула руку.

– Дай.

Фёдор не спорил. Подал конверт двумя пальцами ближе к центру, как подают хрупкую вещь. Маргарита взяла конверт и ощутила вес. Тяжесть была слишком ровной - не бумажка, не лист. Возможно, внутри лежал предмет в плёнке. Или кассета поменьше. Или то, что могло объяснить номер

на этикетке.

— Здесь то, что ты просила, - сказал Фёдор. - Не полностью. Полностью пока рано.

Маргарита посмотрела на него:

— Я не просила. — Ты просила вчера, - возразил он. - Только не словами.

Ей стало неприятно - не от угрозы. От точности. Фёдор говорил так, будто видел вчерашний эпизод по другой дорожке времени.

Маргарита вскрыла конверт. Пальцы дрогнули ещё до того, как лезвие разорезало край. Бумага раскрылась легко, без сопротивления.

В конверте лежала маленькая карточка - как из студии звукозаписи, с распечатанными строками, датой и кодом. На ней было несколько печатей: одна - бледная, другая - чёткая. И главное - рядом с кодом в углу стояло её имя.

Но не просто имя. Там был помечен формат: "РЕПЕТИЦИЯ. ЛИЧНОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ". И ниже - пометка, от которой у Маргариты на миг потемнело в глазах:

"СЛЕПКА ИНТОНАЦИИ. КОНТРОЛЬНАЯ ДОРОЖКА".

Она выдохнула и сама удивилась звуку - он получился коротким, как вскрик, который не успели выпустить.

— Это - прошептала она.

Фёдор наклонился ближе и сказал:

— Когда ты слушала кассету, ты слышала себя. Но не слы-

шала окончание той фразы.

Маргарита перевела взгляд на плеер. Голос уже давно был остановлен. Но в памяти всё равно всплывала пауза, когда она выключила. Она вспомнила, как резко выдернула руку с кнопки, как будто знала: дальше пойдёт имя или деталь, от которой она не сможет удержаться в прежнем "я".

– Я выключила на середине, - произнесла она. - Там было слишком.

Фёдор кивнул:

– Там было не "слишком". Там было то, что должно было отличить "тебя тогда" от "тебя сейчас".

Кирилл резко выдохнул:

– Фёдор

Фёдор поднял ладонь, остановил его, но не взглядом - тоном. Таким тоном, который не просит, а закрывает дверь между спором и правдой.

Маргарита продолжала держать карточку. На ней были ещё две графы: "ПЕРСОНАЛЬНАЯ ПОДПИСЬ" и "СВИДЕТЕЛЬ". В графе "СВИДЕТЕЛЬ" было написано не имя. Там стоял короткий код, но рядом - расшифровка от руки: "Фёдор".

Кровь в висках забилась громче обычного. Маргарита почувствовала, как тело снова начинает помнить то, чего ум пытается не знать. Её кожа словно отреагировала заранее: ладони стали влажными, под ребрами возникла тошнотная волна.

– Ты был свидетелем, - сказала она.

Фёдор молча смотрел на неё. И в этом молчании было согласие и вина одновременно.

– Я был рядом, - подтвердил он наконец. - Но не так, как Кирилл тебе рисует.

Кирилл напрягся, будто его схватили за ключицу взглядом.

– Не рисую, - отрезал он. – Рисуешь, - спокойно сказал Фёдор. - Ты говоришь "техническая версия", чтобы она не превращалась в признание. А мне нужно, чтобы она превратилась в факты.

Маргарита моргнула. Теперь она понимала, почему Кирилл так сбился: он не просто объяснял. Он пытался удержать смысл на безопасной глубине. Фёдор же тянул к поверхности, потому что иначе правда оставалась бы утопленной навсегда.

– Что значит "не так"? - спросила Маргарита.

Фёдор посмотрел на неё и вдруг слегка опустил голос - так, как говорят, когда отвечают на самый личный страх.

– Кирилл говорит: запись попала "случайно". Я говорю: она была подложена намеренно. Не тебе. Кириллу. Или мне. Или тому, кто мог распорядиться доступом.

Маргарита почувствовала, как у неё дрогнули губы. Не от боли - от невозможности собрать картину.

– Но зачем? - она почти не слышала себя.

Фёдор перевёл взгляд на Кирилла.

– Это вопрос не к Маргарите, - сказал он. - А к тому, кто заставлял тебя забывать и заставлял меня молчать.

У Маргариты снова возникло ощущение третьего присутствия - того самого, о котором её голос на кассете предупреждал: "Фёдор был рядом". Тогда она решила, что это просто деталь. Сейчас она понимала: это было не просто имя. Это было метка - чтобы именно Фёдор оказался в нужный момент.

– Ты говоришь, что я не слышала окончание, - медленно произнесла она. - Значит, есть фрагмент, который меняет смысл.

Фёдор кивнул:

– Есть. И он не про "вина". Он про "выбор". Там звучало, что ты понимала: если договорить, тебя можно сломать иначе.

Маргарита отступила на полшага, и конверт едва не выскользнул из пальцев. Она ухватила карточку крепче и почувствовала: она сейчас может разорваться на две части - одну, которая хочет знать, и другую, которая хочет остаться прежней.

– Кирилл, - сказала она, повернувшись к нему. - Почему ты не сказал, что это монтаж? Почему не сказал, что я была частью какой-то схемы?

Кирилл молчал. Потом выдавил:

– Потому что я боялся, что ты согласишься не в то.

Маргарита резко посмотрела на него.

– Не в то? – В то, что тебя использовали, - сказал Кирилл и сорвался. - А не в то, что ты смогла выдержать. Что ты пыталась защититься, проговаривая то, что нельзя проговаривать вслух.

Маргарита слышала в этом оправдание и одновременно страх. Его логика действительно рассыпалась не потому что он не понимал. Она рассыпалась потому что он пытался удержать в голове разницу между "вина" и "защита", а при виде Фёдора эта разница исчезала.

Фёдор снова обратился к Маргарите:

– Смотри. Ты слушала запись до момента, когда звучит ключевая часть. Ты не услышала, кто стоял рядом в этот день - не по словам, а по звуку. Там есть едва различимый вдох, чужая тень в микрофоне. Ты почувствовала это телом раньше, чем поняла.

Маргарита замерла. Именно это ощущение она сейчас и испытывала: будто рядом кто-то был не в пространстве, а в слое записи. Будто память спряталась в дыхание.

– Ты хочешь сказать, что я - начала она. – Ты хочешь сказать "я ошибалась", - закончил Фёдор мягко. - Но тело не ошибается. Оно реагирует на присутствие так, как будто человек рядом действительно был.

Маргарита медленно сжала карточку. Её пальцы дрожали сильнее, чем она хотела показать. Кирилл хотел подойти, но снова остановился. Он уважал дистанцию, которую сама сейчас выстраивала из страха и необходимости.

– Дай мне одну минуту, - попросила Маргарита.

Фёдор кивнул, отошёл к столу, будто давал ей пространство. Кирилл остался на месте - напряжённый, будто готов был принять удар и в то же время боялся, что удар предназначен ему.

Маргарита села. Подняла взгляд на окно. Там отражался свет лампы, дрожал в стекле, и её собственное лицо в отражении казалось чужим - как будто она смотрела на себя не из настоящего, а из того дня.

И вдруг она поняла, что именно её тело уловило раньше, чем ум: чужая тень в микрофоне была не просто звуком. Это была позиция человека рядом. Не в смысле "кто". В смысле "как он стоял", "как он дышал", "как смотрел".

Схема. Сlepка интонации. Контрольная дорожка.

Это звучало как лаборатория, как холод. Но внутри у Маргариты всё поднималось тёплой дрожью - не романтической. Судорожной, животной близостью к тому моменту, когда правда почти была сказана, но кто-то успел перехватить её за голосом.

Она подняла глаза на Кирилла и Фёдора одновременно.

– Значит, у меня есть шанс узнать, - сказала она. - Не чтобы исправить. Чтобы понять, кто решил за меня.

Фёдор слегка наклонил голову, подтверждая:

– Да.

Кирилл молчал слишком долго. И потом произнёс то, чего Маргарита ждала меньше всего - не объяснение, а просьбу:

– Не делай это одна.

Маргарита смотрела на него, и в голове складывалось новое понимание: близость между людьми иногда рождается не из нежности, а из того, что они держатся вместе, когда правда стучит изнутри.

Она подняла кассету и конверт. Поставила их на стол рядом, как два фрагмента одного пазла.

– Тогда слушаем дальше, - сказала она.

Только в этот момент Маргарита услышала второй звук в коридоре - еле заметный. Как шаг, который не решается стать шагом. Как человек, который тоже ждёт, пока они включат следующую часть правды.

И Маргарита поняла: с этого дня у истории есть продолжение не только на записи. Оно уже начиналось в квартире.

Глава 4. Соседний день в чужом свете

Маргарита думала, что после появления Фёдора разговор станет легче. Что логика выстроится, как ряд чашек на стойке: поставили - и всё стоит ровно. Но правда оказалась капризнее любого интерьера.

Фёдор не торопил. Он просто смотрел, будто давал им возможность самим попасть в нужный коридор памяти. Кирилл, наоборот, пытался удержать разговор за перилами - слишком аккуратно, слишком близко к тому тону, которым люди оправдываются перед судом, даже если суда нет.

Кассета лежала на столе между ними двумя, и от этого казалось, что в комнате есть ещё один предмет, который слушает. Плеер урчал ровным фоном - не работал, но дыхание техники оставалось в воздухе.

– Итак, - произнес Кирилл, будто начинал собрание. - Если запись сделана по студийному формату, то время должно совпадать с тем, когда у тебя была возможность туда попасть.

Маргарита не перебила. Её сейчас интересовали не слова, а паузы между ними. В паузах как раз и проступало то, чего Кирилл избегал.

– Вопрос не только в возможности, - сказала она. - Вопрос - кто был рядом в тот момент.

Фёдор приподнял карточку с печатями, как доказательство, которое лучше держать в руках, пока разговор держится на тонкой нитке.

— По маркировке, - сказал он, - это запись уровня подготовки. Не разговор для себя. Это был сеанс, где фиксировали интонации. Значит, человек, который записывал должен был знать, что и как тебе показать.

Маргарита почувствовала, как горло сжимается. Не страхом - телом. Как будто её мышцы заранее помнили сценарий: сейчас будет слово, от которого она снова поплывёт.

Кирилл заговорил быстрее, чем нужно было:

— Мы говорим о студии, это вовсе не значит, что запись была сделана в студии. Возможно, были переносные устройства. Старые образцы. Переозвучка

Он пытался повторить прежний путь - технический, безопасный. Но рядом стоял Фёдор, и безопасность больше не работала. Каждый раз, когда Кирилл тянулся к рациональному объяснению, Маргарита чувствовала, как в её теле поднимается дрожь. Будто то, что они обсуждали, уже было не в голове, а в нервной системе.

— Кирилл, - сказала она тихо, - если ты снова уйдёшь в "возможно", мы не дойдём до ответа.

Он резко поднял взгляд:

— Я не хочу ухода. Я хочу чтобы ты не разрушилась.

Слова были почти нежными. И поэтому неприятными.

Маргарита перевела взгляд на Фёдора. Ей показалось, что

Фёдор понимает: близость между тремя людьми не становится теплее только потому, что рядом правда. Она становится теплее, когда правда произнесена вместе - и холоднее, когда каждый произносит её по-своему.

– начну с даты, - предложила Маргарита. - Что было по времени?

Фёдор открыл конверт шире, но не доставал ничего нового. Он достал тонкий лист - распечатку с полем "операционная последовательность". Там были цифры и короткие отметки. Он протянул бумагу Маргарите.

– Здесь нет точной даты, - сказал он. - Но есть отметка "соседний день". Видишь?

Маргарита увидела: строки, как будто не о времени суток, а о процессе - "до" и "после", привязанные к чему-то внешнему. Это слово было чужим: "соседний". Оно заставляло думать не о календаре, а о том, что жизнь иногда ставят рядом, как пластинки на полке, не спрашивая, что в голове у человека.

– Соседний день - повторила она. - То есть запись делалась не в тот день, когда мы говорили об архиве?

Кирилл резко выдохнул и отвернулся на секунду. Это движение подсказало Маргарите: да, запись не совпадает с его официальной версией.

– В тот день мы были в архиве, - сказал он наконец. - Но запись могла быть сделана позже. Или раньше, но близко. – Слишком близко, чтобы это объяснить случайностью, - за-

метила Маргарита.

Фёдор кивнул.

– Точно. И ещё важнее: запись была сделана в свете не твоём. Не домашнем. Там есть ощущение другой акустики. Поэтому голос звучит чуть иначе. И поэтому твоё тело узнало присутствие.

Маргарита посмотрела на плеер, на кассету, на карточку. И вдруг ей стало ясно: её страх связан не только с содержанием. Страх связан с окружающей средой того дня - "чужим светом", который она физически улавливала.

– Что ты имеешь в виду? - спросила она.

Кирилл хотел ответить первым. Но слово застряло в нём, как если бы правильный ответ оказался слишком близким к тому, что он прятал.

– Когда ты слушала, - осторожно начал Фёдор, - ты не просто слышала слова. Ты слышала, как менялась микродинамика дыхания. Как будто в комнате стоял человек, который не входил в кадр. Он был рядом, но не участвовал. И из-за этого микрофон поймал его тень.

Маргарита почувствовала, как поднимается тошнота - не сильная, не опасная, но неприятно живая. Она заставила себя вдохнуть. С каждой секундой дыхание становилось всё глубже, как будто тело соглашалось: нужно пережить смысл.

– Кирилл, - сказала она, и голос стал чуть твёрже. - Ты говоришь "архив". Фёдор говорит "соседний день". Так где ты был в то время?

Кирилл снова сбился. Не логикой. Человеческим способом оправдываться:

– Я был рядом. Мы просто не обсуждали это вслух. Я пытался

Он замолчал. Фёдор не перебил. Но Маргарита заметила. Фёдор ожидал именно этого. Он будто заранее знал, где Кирилл сломается на слове.

– Ты пытался контролировать то, что услышит Маргарита, - произнесла она.

Кирилл поднял глаза.

– Я пытался чтобы она не услышала себя такой.

Секунда. В эту секунду Маргарита поняла, что он не просто виноват. Он в каком-то смысле любил прошлое так же, как любил её настоящее: пытался удержать форму, которую сам же создал.

– Тогда скажите мне, - попросила она, - как именно соседний день связан с архивом?

Фёдор осторожно взял слово:

– В тот период ты была рядом с возможностью попасть в студию. Не самой студией. Людьми. Доступом. Техническим коридором. Ты могла даже не знать, что твой голос записывают как материал.

Маргарита почувствовала, как ладонь сжимается. Ногти впились в кожу.

– Ты хочешь сказать что меня использовали как запись?

Фёдор наклонился вперёд чуть ближе к столу, но не к ней

- к пространству между ними.

— Я хочу сказать, что попытка забыть была не твоей инициативой в чистом виде. Это было следствие того, что после записи тебе предложили сценарий. И сценарий требовал забывания как защитной реакции.

Кирилл резко выдохнул и заговорил, как будто больше не может держать внутри:

— Маргарита, я не позволял бы если бы знал. Но я узнал слишком поздно.

Его голос дрогнул на "слишком". Маргарита слышала это телом: там, где логика заканчивалась, начиналась настоящая вина.

— Поздно для чего? - спросила она.

Кирилл сжал кулак и тут же разжал, как будто боялся собственных жестов.

— Поздно, чтобы остановить момент, когда запись превратилась в рычаг. Поздно, чтобы сказать тебе правду до того, как ты получила шанс забыть.

Маргарита посмотрела на него и вдруг ясно увидела: в их отношениях было не только чувство. Был процесс. Были шаги, сделанные заранее. И теперь её прежняя попытка забыть выглядела не капризом, а реакцией на то, что её сделали частью чужого механизма.

На секунду они все трое замолчали.

И тишина была болезненной, как шов, который вот-вот разойдётся: каждый держал края целыми, но нитка уже была

вытащена наружу.

Маргарита протянула руку к карточке. Провела пальцем по слову "контрольная дорожка", и это слово стало личным, почти интимным - будто её память маркировали не как архив, а как тело, которому назначили роль.

– Соседний день, - сказала она. - Если запись делали близко к нашему архивному дню, значит в городе было место, куда мы оба могли попасть. Но один из нас знал заранее.

Кирилл резко посмотрел на неё. Он хотел возразить. Но не смог подобрать логическую формулу. Его взгляд стал беспомощным.

Фёдор ответил вместо него - спокойно и жестко:

– И не просто знал. Он стоял так, что микрофон поймал тень. Ты почувствовала это телом. А значит, человек был рядом достаточно близко, чтобы быть услышанным дыханием.

Маргарита подняла глаза.

– Значит, тот человек не обязательно разговаривал. Он мог молчать. Он мог даже быть тем, кого мы видели мельком.

Кирилл сглотнул. Его губы стали сухими. Маргарита поняла: он сейчас думает не о "враге". Он думает о себе - потому что именно он мог быть тем "молчавшим" присутствием.

– Не делай это выводом, - прошептал он. - Ты можешь сломать себя окончательно. – А ты можешь продолжать молчать ещё дольше, - ответила она. И тут же пожалела о резкости, потому что слова попали в самую живую точку.

Фёдор посмотрел на Кирилла так, будто они оба стояли

на одной границе: одна сторона - правда, другая - попытка отсрочить разрушение.

— Давайте прощайте, - сказал Фёдор. - Вопрос не "кто". Вопрос "когда". Соседний день - это когда именно?

Он перевёл взгляд на распечатку. Потом произнёс:

— Запись сделана утром, а архив был днём. Буквально сутки разницы. Но в цепочке доступов это почти один коридор.

Маргарита почувствовала, как от этих слов у неё внутри вспыхивает картина: утренний свет, сухой кофе, чьё-то молчание в дверях, и она - с мыслью, что сейчас всё будет нормально. А потом день превратился в то, что она не помнит.

— Утро, - повторила она. - Утро которое я не помню.

Кирилл закрыл глаза на секунду.

— Я пытался, - сказал он. - Я пытался удержать тебя в том, что ты помнишь. Но это не сработало.

Маргарита посмотрела на него и поняла: сейчас они почти подошли к ядру. И поэтому каждый держался так, будто рядом кипятилок.

Она встала. Подошла к окну. Отражение в стекле поймало её лицо: глаза будто стали ярче от боли, губы - тоньше от напряжения.

— Чужой свет - сказала она. - Это был не просто свет студии. Это был свет того утра, которое я обрываю в памяти.

Фёдор подошёл ближе - теперь он стоял рядом с ней на расстоянии меньше вытянутой руки. Это не касание. Но тело Маргариты всё равно отреагировало: как если бы оно снова

узнаёт присутствие по запаху и теплу.

– Да, - сказал Фёдор. - И поэтому тебя трясло именно тогда, когда ты выключила запись. Ты почувствовала: если прослушать до конца, ты вспомнишь не слова. Ты вспомнишь место, где с тобой поступили по чужому сценарию.

Кирилл подошёл следом, но остановился, не переходя границу. И Маргарита почувствовала, что сейчас она стоит между двумя мужчинами, которые обеими руками держат одну и ту же нитку - правду. Но один тянет её на себя, чтобы не упасть. Другой тянет на себя, чтобы вытащить из воды.

– Ты хочешь, чтобы я дослушала, - сказала она.

Фёдор кивнул.

– Да. Но сначала определимся: ты выключила на середине не случайно. Там было имя. И там было решение.

Маргарита медленно вернулась к столу. Взяла кассету. Пальцы дрогнули - и дрожь вдруг стала не слабостью, а доказательством: тело действительно помнит.

Она посмотрела на обоих.

– Тогда включайте, - сказала она. - Но вы отвечаете на вопросы. Не "потом". Не "может быть". Сейчас.

Кирилл поднял взгляд - в нём было признание, что он готов к ответу, хотя ответ страшнее любой тишины.

Фёдор кивнул - словно это условие было не спором, а договором.

Маргарита нажала кнопку "пуск". Пластик тихо отозвался, как будто сама комната согласилась играть по правилам,

где правда нельзя выключить заранее.

И в этот момент Маргарита слышала в паузе между фразами - едва заметно, но достаточно, чтобы кровь ускорилась: дыхание третьего человека, которое не совпадало ни с Кирилловым темпом, ни с её собственным. Чужая тень в микрофоне снова оказалась ближе, чем слова.

Шов натянулся ещё сильнее.

Правда готовилась разойтись.

Глава 5. Чужой ключ от старого кабинета

Запись включилась снова - и как только из плеера потянулся знакомый звук её голоса, Маргарита поймала себя на странной мысли: прошлое не просто всплывало. Оно реагировало. Как будто, пока они обсуждали "время" и "соседний день", кто-то в записи ждал, что они наконец перестанут спорить и сделают правильное действие: дослушают.

Первые секунды прошли почти ровно. Маргарита слышала себя - усталую, собранную, с той интонацией человека, который уже однажды произнёс правду и теперь знает цену словам.

Потом пошла часть, где голос на ленте начинал подводить к решению. Но на середине фразы кассета снова будто споткнулась: в комнате раздался короткий звук - не кассетный шорох, а звонкий щелчок, словно кто-то в коридоре проверил ручку.

Кирилл поднялся слишком резко, у него дёрнулась рука, будто он хотел выключить плеер, но удержался. Фёдор, наоборот, не сдвинулся - только чуть наклонил голову, слушая, будто пытался различить не голоса, а смысл в паузах.

Маргарита не выключала.

Она дослушала до места, где в её голосе на ленте появи-

лась новая мысль - не про страх и не про "сценарий", а про то, что ей тогда сказали сделать: "найти ключ". И дальше - две фразы, едва различимые из-за помех. Но смысл зацепился в сознании, как крючок:

– не у тебя у кабинета у того, кто имеет доступ

Маргарита выключила плеер сразу после слов "у кабинета", потому что тело уже начинало дрожать от одного только формата вопроса. Про "владельца" она не думала словами - она чувствовала это кожей. Прошрое имело форму замка. У замка был хозяин.

Она встала, не понимая, куда деть руки. Они дрожали, но дрожь была не слабостью - это была реакция на систему координат, которую ей только что показали.

– Значит, ключ был у кого-то, - сказала она вслух. - Не у меня. Не у вас. У человека, который мог дать доступ.

Фёдор смотрел на неё внимательно.

– Да. И если у того есть ключ, значит, есть след: запись доступа, журнал входов, карточки, кто выдавал.

Кирилл хотел что-то сказать, но Маргарита остановила его жестом.

– Я не буду больше слушать "возможно", - произнесла она. - Нам нужен конкретный след.

И тогда Фёдор, как будто только и ждал, что разговор перейдёт от записи к действию, достал телефон. Пальцы его действовали уверенно, не суетясь. Маргарита заметила: он открывает не переписку, а рабочий интерфейс - вероятно,

доступы к чему-то, что обычным людям не дают.

Кирилл наклонился к Маргарите и тихо сказал:

– Я могу дать документы но ты спросишь "почему раньше молчал". – Не сейчас, - отрезала она и сдержала себя, чтобы не сделать голос слишком резким. - Сейчас - только зацепка.

Звонок на экране не успел начаться, когда входная дверь хлопнула негромко, но уверенно. Дверь не открылась полностью - сначала показалась щель, потом лицо.

Арина.

Она вошла быстро, как будто уже знала, где искать нужный момент. Одета по-домашнему, но с той собранностью, которая выдаёт привычку работать глазами. В руках у неё был небольшой планшет и бумажный список, исписанный аккуратным почерком.

– Вы уже слушали? - спросила она без вступлений.

Маргарита не удивилась. Арина никогда не появлялась "случайно". Она появлялась так, будто её ставили в задачу: как человек, который может пройти по следам, не трогая их руками.

– Да, - ответила Маргарита. - И там про ключ от кабинета.

Арина кивнула. И это "кивнула" было не подтверждением. Это было стартом.

– Тогда ищем не дату, - сказала она и положила планшет на стол рядом с кассетой. - Ищем источник доступа. Кто мог выдать ключ-карточку или зарегистрировать вход в архивный контур.

Кирилл чуть сдвинулся, как будто хотел отстоять своё "мы сами". Но Арина не дала ему ни секунды.

– У архивов есть журналы, - сказала она. - Даже если их часть потом "чистят", след всё равно остаётся в цепочке: кто запросил доступ, кто подписал, кто подтвердил. Обычно это два человека: тот, кто дал карточку, и тот, кто разрешил вход.

Маргарита сглотнула.

– Значит, у "владельца прошлого" было имя.

Арина подняла глаза.

– Имя почти всегда есть. Просто люди называют его по-разному: администратор, куратор доступа, ответственный. Но код системы ведёт к человеку.

Она включила планшет. На экране появились поля: "операционная последовательность", "контур", "выдача доступа". Всё выглядело так, будто Арина уже начала работу ещё до того, как они открыли дверь.

– Маргарита, - сказала она, не отрывая взгляда. - Ты сегодня нервная, потому что ты почти нашла "владельца" в записи. Это нормально. Но сейчас тебе нельзя застрять в ощущениях. Нужны цифры.

Маргарита кивнула, но тело всё равно спорило. Ощущение, что прошлое имеет владельца, не уходило. Наоборот, становилось всё отчётливее: прошлое как будто держало в руке маленький ключик и подносило к замку снова и снова - до тех пор, пока кто-то наконец не провернёт.

– Что ты нашла? - спросила она.

Арина провела пальцем по экрану.

– Есть запись о доступе к "старому кабинету". Не архиву в целом. Именно кабинету - с пометкой "служебный". Там хранятся исходники, контрольные копии. И в журнале видно: доступ выдали через "соседний день". То есть утром, почти сутки до твоего архивного визита.

Кирилл побледнел так, будто это совпадение врезалось ему прямо в кожу.

– И кто - начал он. – Не выдам пока, - резко сказала Арина. Потом смягчилась: - Я хочу, чтобы ты услышал это вместе со всеми деталями, иначе ты начнёшь спорить, как раньше.

Маргарита посмотрела на Ариныны руки. Они двигались быстро, но без дрожи. Арина была тем типом людей, который не путает страх с сигналом.

– Доступ выдал не Кирилл, - продолжила она. - Не Фёдор. Но подтверждение подписал человек из внешнего списка. Это значит, что "кабинет" не принадлежал вашей внутренней системе. Его подключили по отдельному разрешению.

Она остановилась и перевела взгляд на Маргариту.

– Поэтому у тебя ощущение хозяина. Это не просто запись. Это была чужая процедура. Твою интонацию готовили как продукт.

Маргарита сжала пальцы в кулак. Внутри что-то неприятно щёлкнуло - как будто пазл наконец встал не в картину, а в механизм.

– Назови, - потребовала она.

Арина сделала паузу. Не театральную - контрольную, как перед ударом по клавише.

– Код подписанта заканчивается на - она прочитала цифры. - И имя в базе: Лев Аркадьевич.

Кирилл резко вдохнул. Фёдор не изменился, но в его глазах мелькнуло то, что Маргарита уже видела на его лице, когда он говорил "не выбирал, кто будет слышать, выбирал, кто будет слышать".

– Лев? - спросила Маргарита. - Я слышала это имя?

Арина кивнула:

– Ты не помнишь, потому что имя скрывали. В твоей версии событий его нет. В твоей - "никто". В их - "Лев Аркадьевич".

Прошлое словно откинулось назад, показывая чужую спину. Маргарита вдруг ощутила, что прошлое имеет владельца не потому, что кто-то "просто был рядом". Владельцем была система, а имя - лишь ключ к панели управления.

– Почему он? - спросил Кирилл, и голос у него сорвался на последний слог. - Почему именно он отдавал доступ?

Арина посмотрела на Кирилла уже иначе - чуть строже.

– Потому что он отвечал за внешних заказчиков. Он мог предоставить доступ без лишних обсуждений, если ему дали аргумент: "для безопасности", "для теста", "для коррекции реакции".

Маргарита закрыла глаза на секунду.

"Для коррекции реакции" - это звучало слишком похоже

на их разговоры о "забывании".

Когда она открыла глаза, её голос стал холоднее.

– Значит, он знал, что я забуду.

Арина кивнула:

– И вероятно, он знал, что ты попробуешь забыть сама.

Он строил сценарий так, чтобы твоя личность приняла его, как приняла бы лекарство с неприятным вкусом, но нужным эффектом.

Фёдор медленно сказал:

– Теперь понятно, почему запись делали как "контрольную дорожку". Это не для развлечения. Это для проверки реакции. И если реакция задана - её можно корректировать.

Кирилл стоял неподвижно. Его взгляд был устремлён в стол, но Маргарита чувствовала: он видит не стол. Он видит день, где его "техническая версия" была ширмой. И понимает, что ширма не защитила.

– Где он сейчас? - спросила Маргарита.

Арина подняла планшет и пролистала ещё пару строк.

– В "соседний день" он был в городе по служебным. В журнале выхода есть отметка: посещение старого кабинета и соседнего объекта. потом - пропуск на транспорт. – Значит, мы можем найти, - сказала Маргарита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.